

УДК 94(470.47).06+94(510).07

Попытки Китая заключить военный союз с Калмыцким ханством в начале XVIII века

О. Н. Болдырева

Болдырева Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, olya.boldyreva2013@yandex.ru

В статье рассматривается актуальная тема, связанная с освещением политики имперской России на своих окраинных юго-восточных территориях. Автор вводит в научный оборот новые документы из архива внешней политики Российской империи и Национального архива Республики Калмыкия. Анализируются внешние и внутренние факторы, особые исторические условия и предпосылки для отношений между Калмыцким ханством и странами Центральной Азии. Детально прослеживаются связи Калмыцкого ханства с соседями на Востоке, в основном с китайцами. Обосновывается положение о том, что в течение XVIII в. складывались предпосылки, связанные с отношениями с Джунгарией, Цинским Китаем и казахскими жузами, что подтолкнуло калмыков к откочевке в 1771 г.

Ключевые слова: Калмыкия, Россия, международные отношения, Поволжье, посольство, приграничные территории, Джунгария, Дондук-Даши, Цинский Китай, Церен-Дондук, Аюка-хан.

China's Attempts to Form a Military Alliance with the Kalmyk Khanate in the Early XVIII Century

O. N. Boldyreva

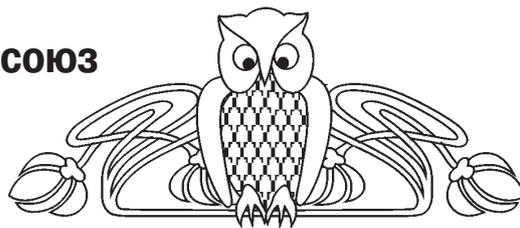
Olga N. Boldyreva, <https://orcid.org/0000-0001-5590-0098>, Kalmyk State University, 4 Microdistrict 17, Elista 358011, Republic of Kalmykia, Russia, olya.boldyreva2013@yandex.ru

The article is devoted to the relevant topic connected with the coverage of the policy of Imperial Russia in its marginal South-Eastern territories. The author introduces new documents from the archive of foreign policy of the Russian Empire and the National archive of the Republic of Kalmykia. The paper analyzes external and internal factors, special historical conditions and prerequisites for relations between the Kalmyk khanate and the countries of Central Asia. The relations of the Kalmyk khanate with its neighbors in the East, mainly with the Chinese, are traced in detail. In the study the author asserts that during the eighteenth century preconditions related to the relations with Dzungaria, Qing dynasty and Kazakh zhuzhes were forming, which pushed the Kalmyks to the movement in 1771.

Keywords: Kalmykia, Russia, international relations, Volga region, Embassy, border territories, Dzungaria, Donduk Dashi, Qing China, Tseren-Donduk, Ayuka Khan.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-64-68>

Анализируя участие Калмыцкого ханства в XVIII в. в региональных внешнеполитических событиях, следует рассмотреть его отношения как с Россией, так и с центрально-азиатским ре-

гионом в целом, а также с отдельными странами, такими как Китай и Джунгария. Данный подход позволяет показать самостоятельную позицию ханства, несмотря на протекторат России. Важно, что, анализируя роль и место Калмыцкого ханства в восточной политике Российского государства, необходимо учитывать отношение России к Китаю и Джунгарии в указанный период, а также отношения вышеуказанных стран друг с другом и с Российской империей.

Китай претендовал на некоторые пограничные с Россией районы. Чтобы обезопасить границы, российская дипломатия поддерживала постоянные политические связи с Джунгарией. Однако, если бы джунгары покорили казахов, они, возможно, заняли бы приграничные районы, чего опасались российское правительство и местные власти в Сибири и Оренбургской области. Поэтому в 30–40-е гг. XVIII в. кабинет министров России сделал все, чтобы помешать установлению мирных отношений и военного союза ойратов с казахами.

Правительство Российской империи начало рассматривать Джунгарское ханство в качестве своего потенциального союзника в противоборстве против империи Цин. Так, в апреле 1728 г. посол России в Китае С. Л. Владиславич-Рагузинский проинформировал императора Петра II о значимости развития дружеских отношений с Галдан-Цереном, ставшим новым ханом Джунгарии, которому отводилась роль не только хорошего соседа империи, но и заступника от нападения Китая и при необходимости самого полезного партнера¹.

Второе маньчжуро-китайское посольство посетило калмыков в 1731 г. 11 августа 1729 г. послы прибыли в российский приграничный город Кяхту. Пекинская делегация, отправившаяся к калмыкам, состояла из двух китайских подданных, мерен-зангин Мандай и мерен-зангин Асхай, и двух монголов, тайши Гунбу-Чуван, мерен-зангин Горюзяп². Общее количество дипломатов составило 20 человек, что в те дни было немало и указывало на важность миссии³.

14 января 1731 г. после долгого и трудного путешествия посольство прибыло в Москву. Здесь были официально представлены причины, побудившие поехать к калмыкам. По словам маньчжуро-китайцев, главной целью визита было поздравление старшего сына Аюки-хана от Дармы-Балы Церен-Дондука (ок.

1703–1738 гг.) с получением трона. Кроме того, калмыцкий хан получил от послов «словесное предложение» о возможности участия его подданных с Китаем в военных операциях против джунгарского хунтайджи Галдан-Церена. Во время переговоров в Москве китайская сторона указала на возможность перекочевки людей из Джунгарии в результате военных действий и на необходимость помочь им и принимать к себе, кроме зайсангов и нойонов, которых должны были передавать в китайскую империю.

Прочитав текст послания и предложения, российская сторона не нашла обоснования для отказа в пропуске к калмыкам. Но в то же время она предприняла ряд мер, чтобы ослабить усилия посольства Пекина, поскольку участие ее подданных в войне с Джунгарией не было включено в планы.

Историк и основоположник калмыковедения Н. Н. Пальмов был убежден в том, что, когда руководство Пекина предложило российскому правительству и хану Церен-Дондуку принимать тех, кто прибывает из Джунгарии, оно надеялось, что калмыки будут недовольны новым правительством и уйдут на берега Волги. Здесь был Лоузанг-Шоно – сводный брат Галдан-Церена, который тогда руководил Джунгарией. Лоузанг-Шоно, любимый своим народом, хотел управлять Джунгарским ханством⁴.

Пекин был намерен использовать эту ситуацию для свержения Галдан-Церена, поэтому вокруг Лоузанг-Шоно должны были быть сторонники, что для него было важно. Китайцы были уверены в том, что, если Галдан-Церен потеряет власть, то его брата обязательно поддержит народ. Так как Джунгария расположена вдали от волжского побережья, Галдан-Церен не боялся за свою безопасность. И в Джунгарии это тоже понимали. Н. Н. Пальмов убежден, что для Галдан-Церена было небезопасно выступление брата⁵.

Мысль о том, что Пекин намерен использовать Лоузанг-Шоно против Джунгарского ханства, высказал В. М. Бакунин, сопровождавший посольство Пекина к калмыкам в 1731 г. Он сказал, что маньчжуро-китайцы торопились прибыть к калмыцким родственникам ранней весной, потому их заинтересовали самые различные вопросы. Например, не будет ли хунтайджи направлять военную силу против калмыков, которые располагаются на территории между Джунгарией и Калмыкией, не помешают ли они военным действиям⁶.

В 1731 г. в калмыцкую степь поступили известия о том, что в ближайшее время сюда придёт посольство Пекина. Калмыцкий наместник всеми способами откладывал встречу с представителями богдыхана. И у него были свои причины для этого: он не хотел, чтобы гости видели, как истощенный скот выглядел после зимовки. В Пекине калмыцкий хан был представлен как

независимый от России правитель⁷. Среди тех, кто входил в составе посольства, находились китайцы. Посольство Пекина из Москвы было отправлено в калмыцкую степь 8 марта 1731 г. Проезжали такие города, как Муром, Арзамас, Пенза, Петровск, Саратов. В качестве гида была сформирована группа из 16 человек, в которую вошли солдаты и переводчики под руководством «дорожного пристава», секретаря Коллегии иностранных дел В. М. Бакунина, который свободно говорил на калмыцком языке и был главным представителем и проводником интересов России. Сопровождающим было поручено обеспечение безопасности, питания, развлечений, организации торжественных приемов в городах, через которые проходит посольство. Посольство Китая немедленно обратилось к наместнику Калмыцкого ханства с просьбой принять его. Затем послы объявили, что приехали к Аюке-хану, чтобы получить поддержку в борьбе империи Цин против Джунгарии. Российское правительство старалось не потерять свое влияние на Церен-Дондука, тем самым быстро возвысив его до титула хана. Специальный указ был подписан 17 февраля 1731 г. императрицей Анной Иоанновной.

Послы Китая спешили посетить калмыцкого хана. Однако цель миссии секретаря по калмыцким делам В. М. Бакунина состояла в следующем: удержать послов как можно дольше и не допустить быстрой встречи с калмыцким ханом. Причиной этого стала церемония возведения Церен-Дондука в титул хана, которую российское правительство намеревалось провести до встречи с посольством не только для того, чтобы поднять престиж Калмыцкого ханства, но и для того, чтобы обязать его верностью к Российскому государству. Сам Церен-Дондук был заинтересован в задержке посольства, он знал о его прибытии в начале 1731 г. и просил российское правительство отложить встречу, пока не пройдет окот, и скот не выздоровеет после зимы. Церен-Дондук не хотел демонстрировать слабое положение своего народа.

Посольство прибыло в Саратов, город, ближайший к калмыцким улусам, 26 марта и пробыло там два месяца. Все это время В. М. Бакунин, следуя указаниям руководства в лице астраханского губернатора генерал-майора И. Измайлова, сдерживал его, как мог. Были применены всевозможные отговорки: о весенней оттепели, непроходимых дорогах, о сложностях перехода на лошадях. Послам сообщалось, что калмыцкий владетель далеко кочует и т. п. В то же время В. М. Бакунин принял ряд мер, чтобы не допустить слухов о прибытии делегации, в том числе приказ калмыкам не покидать Саратова. «Пристав», осаждаемый послами в течение месяца, дал разрешение отправить письмо Церен-Дондуку о прибытии посольства. Не заставив долго ждать, в ответ

на письмо к ним были присланы представители Церен-Дондука – зайсанги Джап и Гандаши, объяснившие цель своего приезда тем, что их отправили от ханши Дармы Балы и от Церен-Дондука к китайцам, чтобы узнать про здоровье богдыхана и послов⁸.

1 мая 1731 г. Церен-Дондук был объявлен ханом. Следует отметить, что после этого события саратовский воевода, управляющий калмыцкими делами подполковник В. П. Беклемишев стал главным проводником российской политики в отношении с маньчжуро-китайцами, в ведение которого были переведены китайские дипломаты. 28 мая, после всех приготовлений, с большим количеством подарков для хана и его ближайшего окружения вместе с посольством и конвоем он пересек Волгу и направился к калмыцким улусам. По словам Н. Н. Пальмова, кортеж был очень впечатляющим: необходимо было предоставить телег, колясок и других транспортных средств для 36 человек с багажом и провиантом 51 штуку и 87 лошадей⁹. Прикрепив сюда экипаж самого командира, его личную свиту и его слуг, можно представить впечатление торжественности, которое произвел эскорт посла.

Помимо подарков хану, В. П. Беклемишев вез заранее подготовленные ответы на предложения китайского богдыхана – так называемые «формуляры». Ответ Церен-Дондука должен быть именно таким, как ему предписывалось, а не наоборот. В. П. Беклемишев обязан был наблюдать, чтобы переговоры пекинцев с калмыками не выходили за пределы досягаемости российского правительства и не были тайными. Особое внимание уделялось Лоузанг-Шоно, которого выслал из Джунгарии его брат, джунгарский хунтайджи Галдан-Церен, который в то время находился в калмыцких улусах и которого можно было убедить попытаться отобрать власть в Джунгарии с помощью китайцев.

В отрывке из «Повседневной записки» В. П. Беклемишева от 29 мая 1731 г. во время сопровождения китайских послов к Церен-Дондуку говорилось, что подполковник В. П. Беклемишев и китайские послы поехали от Волги в степь в улусы, и, отъехав 7 км, зайсанги привезли им вареного мяса в корытах и калмыцкого вина в бочках. Однако китайцы, приняв еду и питье, кормили и поили их же зайсангов и калмыков¹⁰. Через 7 км от первого места зайсанги снова принесли то же самое, и послы снова не ели сами, а накормили зайсангов. В свою очередь саратовский воевода также поехал дальше и встретился с Шакур-ламой и секретарем хана Намки-гелемом, чтобы представить письмо императрицы и заранее обсудить предстоящую встречу.

В июне 1731 г. китайские послы нанесли визит калмыцкому хану Церен-Дондуку, который 5 июня 1731 г. в присутствии своей матери Дарма-Балы, главы калмыцкого духовенства Ша-

кур-ламы, управляющего калмыцкими делами В. П. Беклемишева с уважением принял посольство. Помимо вручения подарков, формальных церемониальных и официальных бесед, центральным пунктом всей церемонии была презентация «листа» богдыхана калмыцкому наместнику. Кратко его содержание можно представить следующим образом: император вспоминает дружеские отношения с ханом Аюкой, отмечает добрые нравы калмыков, касается торгутов, захваченных джунгарским хунтайджи (речь идет о торгутах Санжипа, сына Аюки-хана, который был переселен Цеван-Рабданом в Джунгарию). После прочтения письма калмыкам стало ясно, что основная цель посольства выражена в «словесном предложении», сделанном во время второго приема китайского посольства Церен-Дондуком 7 июня.

«Словесное предложение», которое сделал главный посланник Мандай, было очень содержательным¹¹. По большей части оно подробно описывает политическую ситуацию вокруг Джунгарского ханства, действия его ханов Галдан-Церена и Цеван-Рабдана, приведшие к дестабилизации ситуации в Центральной Азии и «миролюбивым» чувствам китайского императора, вынужденного защищать Западную Монголию и отправлять войска для умиротворения джунгар.

Стоит отметить, что Китай не был заинтересован в захвате Джунгарии. Следует иметь в виду, что содержание речи в основном соответствовало интересам Китая и было структурировано таким образом, что калмыки убедились в необходимости отражать «захватчиков-джунгаров». Изложив содержание, Мандай обратился к калмыцкому хану с просьбой отправить его людей к границам Китая и Джунгарии.

15 июня 1731 г. состоялась последняя встреча, в ходе которой Церен-Дондук представил письменный ответ китайской стороне. К неудовлетворенности последнего ответ хана был не очень существенным и буквально сводился к следующему: калмыки слышали о делах Галдан-Церена и соглашались принять неконтролируемых джунгар, но вопрос об отправке воинских частей будет решен только российской императрицей.

18 июня 1731 г., получив в подарок 50 кусков выделанной кожи, 100 овец и 50 лошадей, послы двинулись в обратный путь из калмыцких улусов в Саратов¹². После нескольких дней подготовки длительного перехода китайско-манчжурская делегация отправилась на сибирскую границу в Тобольск. Таким образом, важный этап калмыцко-российско-китайских отношений закончился, продемонстрировав растущую подчиненность калмыцких ханов России, что позже привело к полной потере независимости, к реформированию «Калмыцких дел» и суда Зарго.

В 1733 г., инструктируя вице-губернатора Иркутской провинции А. Бибикова, Коллегия иностранных дел обратила внимание на тот факт, что для Галдан-Церена главный интерес России заключался в побуждении его к принятию подданства Российской империи: если бы началась русско-китайская войны, то контайша был бы полезен России¹³.

В 1733 г. калмыки были взяты под стражу и допрошены с 3 по 9 июня. Согласно указу императрицы Анны Иоанновны привезенные из Сибирской губернии волжских улусов калмыки, ехавшие к Далай-ламе, были в Пекине при дворе китайского императора, а когда они вернулись, в Царицыне их арестовали из-за исчезновения Арабжюра. Однако после допроса арестованные калмыцкие послы заявили, что Арабжюр давно умер, а в Пекине живет его сын Данжун.

В 1734 г. Галдан-Церен заключил перемирие с цинами¹⁴. Послав свои войска на юг Казахстана, как в этом, так и в следующем году, он смог снова покорить Старший жуз. В 40–50-е гг. XVIII в. восточная политика Калмыцкого ханства была недостаточно эффективной¹⁵. Российская империя обратила свое внимание на Среднюю Азию. Споры с другими государствами мирно разрешались Россией, которая пыталась укрепить свои восточные границы.

Чтобы получить благословение Далай-ламы, с июля 1734 г. наместник Дондук-Даши начал просить Коллегию иностранных дел направить своих посланников в Тибет. В то же время он обратился с просьбой к императрице Елизавете Петровне о передаче письма китайскому императору, «ибо он без того их не пропустит» в Китай. Наместник попросил также, чтобы десять его человек были отправлены в Тибет, к Далай-ламе. Более того, он распорядился, что императрица, исходя из интересов государства и для пользы калмыцкого народа, повелела: дербета владельца Лабан-Дондука как обычно к ним присоединить. В «Выписке о зенгорских посланцах» от 23 июля 1741 г. еще просил произвести между калмыками и русскими справедливое судебное разбирательство и расправы. Согласно императорскому указу следовало выдать письменное право, а командирам волжских городов подтвердить, чтобы они суд производили без положенного на то наказа.

Однако в 1741 г. в Петербурге от МИДа Китая был получен приказ, который запрещал калмыкам посещать Далай-ламу. Кроме того, оказалось, что все прошлые посольства Китай не рассматривал как посольства русских подданных, а потому была уверенность, что китайский император будет пропускать людей, которые отправлялись в паломничество. До этого он не давал им дороги по причине того, что посланцы «отправлены были почтенным образом и на казенном коште»¹⁶.

Документ от 23 марта 1751 г. ссылается на письмо (лист) Дондука-Даши, в котором он написал, почему отъезд его посланников к Далай-ламе был остановлен в прошлом году, и что теперь он хотел бы тех посланцев отправить «через мунгалы», и просил разрешения. Но, если этого сделать будет нельзя, то оренбургскому губернатору надлежало пропустить упомянутых посланцев через Яик беспрепятственно¹⁷.

Из-за недопущения посланников к Далай-ламе Коллегия иностранных дел была против любых контактов калмыков и затягивала время всеми средствами¹⁸.

Наконец, в сентябре 1755 г. через Сибирь в Тибет отправилось посольство во главе с Цойджибом, всего в его составе было 60 человек. Его главной целью было получить от Далай-ламы VII для Дондук-Даши знаки ханской власти. Но посольство не смогло выполнить задачу, потому что к тому времени Далай-лама умер. В 1756 г. китайский правитель Цянь-лун принял у себя калмыцкого посланца Цойджиба¹⁹.

Вероятно, послы говорили в Пекине с властями Цин, которые подтвердили, что в противостоянии между цинами и джунгарами калмыки должны быть нейтральными. Не случайно после 1757–1758 гг. империя Цин, используя гражданскую войну между ойратами, одержала победу над Джунгарией, Дондук-Даши не поднял тему помощи ему. Из 60000 ойратов осталось не более 40000, которые смогли бежать в Россию. Крушение джунгар затронуло Калмыцкое ханство только потому, что взяли улусы джунгарского нойона Шеаренга, который в 1758 г. отправился на сибирскую границу с 2 тыс. кибиток. Руководство России приказало Дондук-Даши вызвать джунгар на Волгу²⁰.

27 января 1756 г. правительство написало Дондук-Даши, чтобы он отправил от себя нарочных для соединения с калмыцким торгоутским народом, заменяя таким образом ушедших с Санжипом в Джунгарию 15 тысяч торгоутских кибиток. Причиной этого приказа стала гражданская война, которая произошла недалеко от джунгар, и нападение китайских войск на них, а также тот факт, что джунгарские владельцы и зайсанги обратились в китайское подданство. В то же время Дондуком-Даши было приказано переманить джунгар на Волгу и дать им надежду, что они в Калмыцком ханстве будут на таком же основании, как и прочие подданные калмыки. Подполковник И. А. Кишенский в Коллегию иностранных дел представил «Доношение о спорном деле», в котором по вопросу о Шеаренге говорилось, что правительство отдало приказ убрать его из имперского ведомства²¹.

Таким образом, второе маньчжуро-китайское посольство 1731 г. имело важное значение в калмыцко-российско-китайских отношениях, оно показало возрастающую зависимость калмыцких ханов от Российского государства.

По нашему мнению, китайских политических деятелей не интересовало Калмыцкое ханство и его связи с Тибетом на уровне паломничества ни во второй половине 30-х, ни в 40-х гг. XVIII в. Можно предположить, что затишье в отношениях между калмыками и Китаем напрямую связано с фактом 15-летнего мира, который воцарился между империей Цин и Джунгарией в 1734 г. Под властью Дондук-Даши Российское государство продолжало усиливать свое влияние на Калмыцкое ханство, делая его зависимой территорией.

Примечания

- ¹ См.: Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 119. Оп. 1. 1730 г. Д. 8. Л. 16.
- ² Там же. Л. 16-об.
- ³ См.: Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века : в 5 т. Т. 1. Астрахань : Калмоблисполком, 1926. С. 122.
- ⁴ Там же. С. 57.
- ⁵ Там же. С. 60.
- ⁶ См.: Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а

особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев : Сочинение 1761 года. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1995. С. 21.

- ⁷ Там же. С. 22.
- ⁸ См.: Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 42. Л. 669.
- ⁹ См.: Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 149.
- ¹⁰ См.: НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 44. Л. 128 об.
- ¹¹ Там же. Л. 129–129 об.
- ¹² См.: Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 193.
- ¹³ См.: АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1730 г. Д. 8. Л. 16–16 об.
- ¹⁴ См.: НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 63. Л. 38 об.
- ¹⁵ См.: Мусеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата : Гылым, 1991. С. 106–121.
- ¹⁶ НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 150. Л. 123.
- ¹⁷ Там же. Д. 267. Л. 72.
- ¹⁸ Там же. Л. 72 об.
- ¹⁹ См.: Митиров А. Г. Ойраты-калмыки : века и поколения. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1998. С. 218.
- ²⁰ См.: Бокцианин А. А., Непомнин О. Е. Лики Срединного царства. М. : Вост. лит., 2002. С. 332.
- ²¹ См.: НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400. Л. 44-об.5.

Образец для цитирования:

Болдырева О. Н. Попытки Китая заключить военный союз с Калмыцким ханством в начале XVIII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 64–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-64-68>

Cite this article as:

Boldyreva O. N. China's Attempts to Form a Military Alliance with the Kalmyk Khanate in the Early XVIII Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 64–68 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-64-68>